

С.И.Каспэ
**«ОТРАЗИТЬ СУТЬ»:
 К ОНТОЛОГИИ
 ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА¹**

Папа, с кем ты сейчас разговаривал?

Анекдот

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках коллективного исследовательского проекта Института гуманитарных историко-теоретических исследований Высшей школы экономики № 10-03-00627а «Статус документа в современной культуре: теоретические проблемы и российские социальные практики».

Ключевые слова: политический документ, политическое, сакральное, «дух государства»

Феномен «политического документа» существует — это известно каждому человеку, профессионально связанному с процессом подготовки и принятия политических решений. Известно сугубо эмпирически и даже прагматически — время от времени телефон такого человека звонит, и собеседник после нескольких ритуальных фраз произносит: «Тут нужно подготовить один политический документ». Так выглядит стандартная ситуация заказа (если звонят внешнему эксперту) или поручения (если тот, к кому звонок обращен, институционально интегрирован в тот или иной государственный, партийный и т.п. орган). Затем следуют опять же довольно стандартные алгоритмы действий, и через некоторое время политический документ возникает.

Однако ни эта для многих привычная (хотя почти всегда увлекательная) процедура, ни ее плоды не становятся предметом каких-либо концептуализаций. Их отсутствие в российской политической науке еще можно списать на ее состояние, оценки которого преимущественно колеблются в диапазоне от умеренно до неумеренно пессимистических (что в среднем дает оценку вполне трезвую). Более удивительно, что таким же образом дело обстоит и в политической науке более старых и более консолидированных демократий. В ней, безусловно, наличествуют отдельные массивы работ (иногда довольно крупные), посвященных тем или иным подвидам политических документов, прежде всего публичным речам. Но это именно отдельные массивы, никак не сопрягающиеся друг с другом, не формирующие никакого общего понятийного поля, в котором зонтичный и рамочный термин «политический документ» если не раскрывался бы в деталях, то хотя бы вводился и присутствовал. Проблема политического документа — как, в первом приближении, специфического подвида «говорящей вещи»², то есть объекта, способного сообщить нечто о том, что люди делают с политикой и что политика делает с людьми, — не просто не решается, но и не ставится. Однако если мы не хотим упускать ни одной возможности узнать

² Levy 2003: 23.

больше о том, на что и люди, и политика в этом отношении способны, то странно пренебрегать перспективой настолько многообещающей. Вещь-то бесспорно существует. И говорит.

Не исключено, кстати, что именно особый модус функционирования российской политической науки может способствовать развитию необходимой чувствительности восприятия. Как не раз отмечалось, для России, как и для прочих ранних демократий, характерна слабая степень дифференцированности интеллектуально-политических профессий (таких, как *pollsters*, *analysts*, *advisers*, *policy planners*, *academic researchers* etc.), каждая из которых в более «нормальных» контекстах образует довольно замкнутое сообщество, очерченное своими ритуалами, регалиями, языком и т.д. (см. об этом выступление Андрея Дегтярева на заседании семинара «Полития» «Экспертные оценки, экспертиза и эксперты для органов государственной власти», состоявшемся 28 апреля 2005 г.)³. Подобная специализация приносит свои дивиденды, и немалые; но она сопряжена и с издержками. Погруженные в текущий *decision making process* консультанты и эксперты не обладают ни временем, ни необходимым аналитическим аппаратом, ни, возможно, желанием теоретизировать относительно своей работы; избравшие же сферу чистой науки специалисты, наоборот, нередко имеют довольно отдаленное представление о реально практикующихся приемах подготовки и принятия политических решений. Персональные перемещения между профессиональными кругами, в том числе кругом академическим и всеми остальными, разумеется, случаются и отчасти способствуют выработке более или менее общего языка описания политики, но такие впечатляющие достижения, как, скажем, работы Ричарда Нойштадта⁴, становятся результатом подобных перемещений все же нечасто.

В России дело обстоит иначе. Мне, участвовавшему в упомянутом семинаре в роли ведущего, пришлось в ответ на выступление коллеги Дегтярева заметить: «Нам только что была предложена четкая классификация экспертных и смежных с ними профессий. Проблема в том, что эта модель не продиктована абсолютным разумом, но отражает и описывает некую социальную реальность, условно говоря, западную, которая действительно так структурирована. Но мы-то существуем в другой реальности! Если бы мне предложили самоопределиться и стать *analyst*, или *policy planner*, или еще кем-то, я бы не смог, потому что такого узкого самоопределения крайне редко бывает достаточно для выживания. Я начал вспоминать последние 5—6 лет своей жизни и понял, что за это время я был практически кем угодно: и экспертом, и консультантом, и советником, и аналитиком, и официальные документы готовил, и в телевизоре зачем-то появлялся, и в академической науке что-то делал. И мы все так живем!»⁵ — по крайней мере, многие. Конечно, вынужденно; но тем самым те, кто *так* живет, получают возможность попытаться сделать свой личный опыт соприкосновения с политическим процессом предметом личных же аналитических изысканий или хотя бы размышлений.

³ <http://www.politeia.ru/sem/280405.html>.

⁴ Нойштадт 1997; Нойштадт, Мэй 1999.

⁵ <http://www.politeia.ru/sem/280405.html>.

Собственно, последствия такой попытки представлены ниже. Наличие у меня определенного опыта подобного рода и позволило ее предпринять; с другой стороны, оно же накладывает определенные ограничения на раскрытие моей источниковой базы и вообще делает ее не вполне соответствующей академическим канонам, что, я надеюсь, будет воспринято с пониманием. Более того, даже максимально (для меня) возможная степень авторефлексии вряд ли поможет полностью преодолеть негативные последствия совмещения в одном лице ролей аналитика и источника, и тут приходится рассчитывать уже не только на понимание, но и на снисхождение. Впрочем, если бы не это совмещение, текст не был бы написан вовсе.

Не полагаясь исключительно на личные знания, воспоминания и ощущения, я обратился с просьбой о помощи к тем, чья политическая практика существенно обширнее моей, — и не встретил ни одного отказа. Я искренне признателен коллегам, согласившимся дать мне интервью. Это Борис Макаренко (председатель правления Фонда «Центр политических технологий»); Георгий Сатаров (президент Фонда «ИНДЕМ», экс-помощник президента Российской Федерации); Марк Урнов (научный руководитель факультета прикладной политологии Высшей школы экономики, экс-руководитель Аналитического управления президента Российской Федерации), а также несколько экспертов, пожелавших сохранить анонимность; за их компетентность я ручаюсь лично. Поскольку опрошенные коллеги называли предпочтительными для себя разные режимы анонимности, мне пришлось их унифицировать по наиболее жесткому варианту: все цитаты из экспертных интервью в тексте выделяются курсивом и помечаются (**Инт.**) — без указания авторства конкретных высказываний. Даже с этой неоценимой помощью мне, конечно, не удастся полностью высветить содержимое того «слепого пятна» политической науки, которым сейчас является феномен политического документа; задача пока только в том, чтобы очертить его границы и наметить возможные маршруты дальнейшего поиска в его глубинах. Там что-то есть.

⁶ Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О библиотечном деле“» абзац 5 ст. 1 («Основные понятия»), к цитированному определению и сводившийся, был признан утратившим силу — без каких-либо объяснений и без какой-либо замены. Сомнительно было бы увидеть здесь осознание верховной властью всей зыбкости, протечности, энигматичности понятия «документ». С такими соблазнами мы боремся.

Итак, что вообще позволяет считать желательным введение в оборот самого термина «политический документ»? Хотя бы то, что политический процесс в одном из своих фактуальных измерений может быть увиден (в том числе увиден буквально, даже, если угодно, пощупан) как производство документов — хоть в нерелексивном, обыденном значении этого слова, хоть в официальном, недалеко, впрочем, ушедшем от обыденного (как гласил до недавнего времени Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле», «документ — материальный объект с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи или изображения, предназначенный для передачи во времени и пространстве в целях хранения и общественного использования»⁶). Разумеется, это только один из возможных ракурсов — в других измерениях политика предстает как разговоры между людьми (и tête-à-tête, и с применением всякого рода звукоусиливающих и ретранслирующих

⁷ Easton 1965: 24.

устройств), как лабиринт финансовых транзакций, как разного рода и разной степени легитимности насильственные действия, как бесконечное разыгрывание перетекающих друг в друга «сценариев власти» (выражение Ричарда Уортмана) и т.д. Измерения политики, то есть «авторитетного распределения ценностей»⁷ (а при расширительном толковании хрестоматийной истоновской формулы — вообще любых материальных и нематериальных ресурсов), переплетаются, они взаимно комплементарны, и ни одно из них не обладает по отношению к другим однозначно выраженной причиняющей силой. Но исследовательская стратегия, которую можно метафорически обозначить как «спектральный анализ» политики, допускает сосредоточение на одной из линий спектра — в нашем случае «документной».

Политические институты, политические акторы, политические наблюдатели плодят всяческие сгустки информации (конечно, не материальные объекты — наивность этой дефиниции образца 1994 г. не подлежит ни обсуждению, ни, в общем, осуждению, — а «информационные пакеты», не обязательно фиксируемые на физическом носителе) в колоссальных, подчас пугающих количествах. Эти сгустки действительно являются документами — не только в силу инерции обыденного и официального словоупотребления, но и по своей эксплицитной функции, состоящей в фиксации и *удостоверении* (документ, пусть не всегда снабженный «шапкой», датой, номером и печатью, должен быть как минимум подписан; впрочем, иногда случающееся отсутствие даже и подписи, как правило, оказывается многозначительной фигурой умолчания) некоторого состояния того или иного фрагмента политической реальности и, возможно, в указании вектора его желательных/нежелательных изменений. Они представляют собой обнаруживаемые средствами вышеупомянутого «спектрального анализа» специфические уплотнения, концентраты политики, артефакты и новообразования, посредством которых она проявляет свое актуальное содержание; точнее, они суть орудия, при помощи которых политические акторы выдвигают и обосновывают свои конкурирующие претензии на право формулировать это содержание.

Но все ли подобные документы могут быть идентифицированы как «политические» *stricto sensu*, не по формальным, а по существенным признакам? Интуитивно (а на этой стадии размышлений интуиция — легитимный инструмент, поскольку, как уже было сказано, она опирается на некоторый опыт «включенного наблюдения») ясно, что нет. Формальные критерии тут не работают, и интуитивная идентификация того или иного документа как политического осуществляется в весьма малой зависимости от них. Так, мои респонденты, отвечая на первый, общий для всех и сознательно задававшийся в предельно открытом виде вопрос интервью «Что такое, с Вашей точки зрения, „политический документ“?», как правило, поначалу пытались дать максимально широкое определение — например, «*весь документооборот органов*

власти» (Инт.), — но тут же отказывались от него по причине его явной неоперациональности.

Действительно, вряд ли имеет смысл признавать политической по умолчанию всю без исключения бюрократическую текстуальную продукцию даже тех институтов и акторов, чей юридический статус — и даже статус самого документа! — на необходимость такого признания вроде бы указывает. Сомневающимся можно порекомендовать в качестве эксперимента заняться сплошным чтением распоряжений или даже указов президента Российской Федерации (соответствующие возможности предоставляет раздел «Документы» сайта www.kremlin.ru). Политическое, безусловно, время от времени обнаруживает себя в этом размеренно текущем потоке (см., например, серию датированных 9 июля 2010 г. указов о помиловании, «руководствуясь принципами гуманности», 20 граждан Российской Федерации), но всякий раз — как внезапная вспышка большей или меньшей яркости. То же относится и к парламентской работе, причем и к высшей ее форме — законодательной. Был ли политическим документом, скажем, принятый обеими палатами Федерального Собрания в разгар кризиса 1998 г., однако не подписанный президентом Борисом Ельциным Федеральный закон «О пчеловодстве», введивший, в частности, такой феерический критерий доказательства права собственности, как «непрерывное преследование роя», а в своих ранних версиях претендовавший не больше и не меньше как регулировать поведение пчел?

NB! В некоторых субъектах Российской Федерации такие законы приняты, и поведение пчел ими и впрямь регулируется. Так, п. 2 ст. 10 закона «О пчеловодстве» Алтайского края гласит: «Перемещение по территории Алтайского края пчелиных семей... осуществляется в соответствии с федеральным законодательством» (а поскольку федеральный закон о пчеловодстве отсутствует, речь идет, надо думать, о правилах дорожного движения). Это политический документ? Аристотель, говоря о *πολιτικὸν ζῶον*, все-таки имел в виду человека — и только его. Столь расширительное толкование сферы политического вряд ли приемлемо.

Бюрократический документ потенциально *может* оказаться политическим, причем шансы такого рода есть не только у законов и указов, но и у «бумажек» гораздо более скромного уровня — выделяющихся ни по каким формальным признакам из рутинного документооборота должностных записок, регламентов, поручений, приказов об увольнении и назначении, прошений об отпуске и т.д. С другой стороны, политическим *может* стать и текст вовсе не бюрократический — газетная статья (нашумевший опус Виктора Черкесова о «чекистском крюке»)⁸, интервью, причем данное человеком, никакого официального статуса не имеющим и ни до, ни после единственного своего публичного акта решительно ничем не известным (Олег Шварцман с его

⁸ Черкесов 2007.

⁹ *Кваша 2007.*

¹⁰ *Имеется в виду поздравление, опубликованное в рубрике «Дни рождения» газеты «Коммерсантъ» 7 октября 1999 г. В контексте напряженных обстоятельств того времени это был очень сильный сигнал. Рубрика вообще предоставляет внимательному наблюдателю ценный материал для политического анализа.*

¹¹ *См., напр. Шейко 2010.*

незабываемым «наклонять, нагибать, мучить, выводить на социальную активность»...)⁹, даже произведение совсем уже легкого, казалось бы, жанра, однако при наличии достаточно весомых политических коннотаций немедленно квалифицируемое наблюдателями как *документ*, то есть именно как некое удостоверение состояния политической реальности, снятый с нее мгновенный слепок. *«Послание Чубайса Путину „Дорогой Володя, поздравляю тебя с днем рождения“ — это политический документ? Совершенно очевидно, что политический» (Инт.)*¹⁰. Да хоть чириканье в Twitter¹¹.

Есть, впрочем, и документы, чья политическая природа вроде бы прямо и недвусмысленно подразумевается не только их институциональной привязкой, не только фигурами адресанта и адресата, но и содержанием. Раз документ «про политику» — наверное, он уж точно политический? Зерно здравого смысла в таком подходе есть. Документы «про политику» существуют, и при помощи того же здравого смысла они легко могут быть подразделены на две основные группы: публичные (речи, послания, партийные программы и предвыборные платформы, «установочные» статьи и т.д.) и непубличные (аналитические записки, справки, экспертные заключения, планы политических кампаний и т.д.). Кстати, интересным сюжетом могло бы стать исследование внутренних членений второй группы — иерархии грифов секретности (от ДСП до «Совершенно секретно. Особой важности»), а также ее иногда возникающих девиаций и сбоев. Например, по сообщению одного из респондентов, в первой половине 1990-х годов ему и его коллегам, уставшим от технических ограничений, налагаемых соответствующими службами Кремля на работу с секретными документами, пришлось изобрести самостоятельные, никакими инструкциями не установленные грифы «Конфиденциально» и «Строго конфиденциально» — применялись они с целью успокоения упомянутых служб и одновременно обеспечения оперативного обмена документами без их участия. Другая история, рассказанная тем же респондентом, раскрывает иную сторону функционирования непубличных политических документов. *«Сидим мы втроем — я плюс два абсолютно проверенных человека, которые никогда никакой материал слить бы не могли. Мы пишем записку президенту по результатам думских выборов 1995 г. Интимную записку, потому что в ней даются неллицеприятные характеристики самих губернаторов, их отношения к президенту, степени их влияния на результаты выборов... И прямые кадровые рекомендации. Записка пишется на специальном компьютере, у которого в принципе нет флоппи-дисковода, не говоря уже о выходе в сеть. Можно только написать и распечатать, после чего компьютер выключается и опечатывается, комната, где он стоит, запирается и тоже опечатывается. Причем пишется это в Кремле, даже не на Старой площади. Пишется, распечатывается в трех экземплярах: один мне, второй — второму пишущему, третьему пишущему не положено, а последний экземпляр мы несем помощнику*

президента. Он его берет и несет президенту. Лично. Все. А через пару дней текст записки оказывается опубликован у Третьякова в „Независимой газете“. Все ФСО, тогда еще коржаковское, сбилось с ног, искали, искали — ничего. Как это произошло — непонятно. Причем я через какое-то время к Третьякову подошел (а он, надо пояснить, опубликовал не полный текст — без последнего раздела, без персональных выводов — кого, как, куда...) и говорю: „Спасибо, мол, и на этом“. А он: „Ну что я, совсем, что ли — еще и выводы печатать!“ То есть последний раздел у него тоже был...» (Инт.). Так что грань публичности/непубличности политических документов иногда оказывается преодолимой, причем сам факт ее преодоления способен сообщить им дополнительный, возможно, не предполагавшийся авторами политический эффект.

Но подробный анализ этого аспекта бытования политических документов требует отдельной исследовательской работы, и можно только позавидовать тому, кто захочет и, главное, найдет возможность ее предпринять. Сейчас важно другое. Да, все документы «про политику» политические — но политические лишь интенционально. Достичь же своего объекта дано не всякой интенции, и, соответственно, не всякий документ, пусть даже эксплицитно (тем более — имплицитно) претендующий стать политическим, им становится. Обочины политического процесса загромождены тоннами, выражаясь словами поэта, «словесной руды» (и даже «окаменевшего говна»), документальных отходов, забытых даже их авторами — именно по той причине, что заложенная в них интенция не достигла реализации, канула втуне. Бывают исключения; показателен один миф, бытующий в экспертно-политическом сообществе (разумеется, все, пересказывающие его, полностью признают, что это именно миф, однако единодушно проводят его по разряду *se non è vero, è ben trovato*): «В одном из кремлевских кабинетов хранится огромная груда бумаг — политических проектов, в разное время разработанных в самой администрации или поданных в нее извне. В критических ситуациях, когда надо что-то срочно делать, а что — непонятно, из этой груды наугад вынимают документ и пускают его в ход. Иногда берут верхний, иногда из середины. Иногда груду произвольным образом перемешивают». От этой сильной аллюзии на борхесовскую «Лотерею в Вавилоне» бывает трудно отделаться. Особенно часто она вспоминалась наблюдателями, причем не только «злыми языками», в первые недели после обнародования в сентябре 2004 г. инициативы об отмене губернаторских выборов. Действительно, не составляет особого секрета, что и само это решение, и даже пришедший на смену выборам альтернативный механизм «наделения полномочиями» глав регионов были в основных деталях разработаны еще на закате эпохи Ельцина, в 1998—1999 гг.¹², однако остались лишь проектом — смех смехом, но не отложили ли их тогда в ту самую груду?

¹² См. Салмин 2010: 406.

Задаваться вопросом, почему одна интенция реализуется, а другая нет, вряд ли продуктивно, и даже не потому, что наука, как известно,

может сказать нам, «почему у жирафа длинная шея», и не может — «почему длинная шея именно у жирафа». Судьбу интенционально политического документа определяет множество факторов, и далеко не все из них имеют отношение к происхождению, содержанию, качеству и вообще каким бы то ни было особенностям самого документа, а некоторые носят и просто случайный, стохастический характер (опять же как в вавилонской лотерее). Более продуктивен вопрос о природе самой интенции, о том, какие энергии ее питают и к какому объекту она устремлена. Ответ на него, скорее всего, и можно будет признать первым приближением к определению самого феномена политического документа.

Интенция эта редко становится предметом специальной рефлексии, ее приходится восстанавливать по косвенным признакам. Один из них — то обстоятельство, что в процессе создания политического документа почти всегда (и уж непременно — когда политический документ творится осознанно) императивным, даже, можно сказать, сверхценным требованием является достижение максимальной *плотности смысла* на единицу текста. «*Искусство нашей работы в том и состояло, чтобы в коротком документе отразить суть*» (Инт.) — характерно, что респондент не сопроводил слово «суть» никакими уточняющими предикатами, тем самым переводя разговор о, казалось бы, приземленной прагматике власти на прямо-таки онтологические высоты. «*Еще в ЦК КПСС существовали люди, которые при подготовке документов для генсеков занимались тем, что называлось „давить клопа“.* Убирали лишние слова. В результате записка, изначально состоявшая из трех-четырёх страниц, ужималась до полутора или одной. Без потери смысла! <...> И в ельцинской администрации эта культура продолжала существовать» (Инт.). «Суть» и «смысл» в приведенных цитатах указывают, видимо, на одну и ту же область значений; о ней позже.

NB! Напротив, для документов бюрократических норма скорее состоит в многословии, обилии «воды» и повторов, включении никем и никогда не читаемых стандартных параграфов и т.п. Это, впрочем, тоже определенный способ работы со смыслами — совершенно легитимный и функционально оправданный, однако в некотором отношении противоположный. Интенция тут требует предусмотреть максимум возможных казусов и коллизий, возникающих в процессе бытования того «смысла», с которым работает бюрократический документ (в недостижимом идеале — все); она, если можно так выразиться, растекается по горизонтали, а не стягивается в вертикаль. Внимательная реконструкция интенции — эффективный метод отграничения «политического» *stricto sensu* документа от смежных с ним феноменов.

Сам тот факт, что «первое лицо» государства в общем случае не читает документы объемом больше названного респондентом (1—

1,5 страницы), достаточно известен. Отсюда, кстати, легко экстраполируется допустимый объем документов, предназначенных вниманию функционеров, занимающих места на нижележащих ярусах политической пирамиды, причем в большинстве случаев чисто логические умозаключения получают эмпирическое подтверждение. Исключения бывают, но они, как правило, объясняются нетривиальными личностными характеристиками той или иной персоны: «Мне говорили, что ежедневно президенту приходится прочитывать до трехсот страниц всевозможных текстов (а в первый год „норма“ Картера составляла четырехста пятьдесят страниц). Добавьте сюда визитеров, поездки, телефонные звонки, встречи, церемонии — этого хватит, чтобы свалить с ног любого здорового человека <...> Картер просто *любит* читать»¹³ — либо вообще остаются эксцессами, удивительными даже для того, кто их инициировал: «*Однажды мы с <...> написали целых четыре страницы по некоторому кадровому решению. И президент все это добросовестно прочел!*» (Инт.). Иногда, впрочем, исключения удается создать искусственно, для чего применяются простые, не гарантирующие результата, но порой действенные приемы: непривычно яркое оформление («*Чтобы человеку не скучно было смотреть*» (Инт.)) или тактика «слоеного пирожка» (Инт.), когда к короткому документу обычной размерности подкладывается еще несколько, раскрывающих подлежащую разрешению проблему с накапливаемой глубиной детализации: «*сверху текст для Главного, а под него уже в виде приложений сколь угодно толстые книги — если захочет почитать*» (Инт.)

Ошибочно видеть тут, как это часто бывает, свидетельство небрежения государственными делами или интеллектуальной нищеты современных правителей — хотя и то, и другое может иметь место; гораздо более экономным объяснением являются объективно заданные условия их функционирования. Реальное положение вещей соответствует чему-то среднему между двумя высказываниями («искусшенного дипломата» и «высокопоставленного чиновника»), приведенными Нойштадтом и Мэем: «Они слишком заняты. Не в состоянии читать все эти бумаги. Конечно, они просматривают документы в своих лимузинах, перелистывают их на заседаниях, но чаще просто откладывают в сторону. Если даже вам удастся заинтересовать их, надолго привлечь внимание этой публики все равно не получится. Им нужно будет отправляться в аэропорт или ехать на пресс-конференцию»; «Вопреки убеждению публики в том, что президенты и госсекретари не имеют времени читать и размышлять, истина выглядит иначе: большинство из них проводит часы, знакомясь с материалами, подготовленными как в самом правительстве, так и за его пределами»¹⁴. Противоречия здесь нет: «*Каждый отдельный документ может быть коротким, но их же ОЧЕНЬ много!*» (Инт.). Именно поэтому императив *уплотнения смысла* достигает апогея в политических документах, предназначенных «первым лицам».

Однако он сохраняет свою силу и в менее ответственных ситуациях, даже тогда, когда включаются противонаправленные этому императиву

¹³ Нойштадт 1997: 308. Ссылка на американского автора, исследовавшего американскую политику, дана сознательно. По крайней мере в плане своей темпоральной организации отечественная политика мало чем отличается от западной. Блоги российских губернаторов (разумеется, тех, кто ведет их лично, а не превращает в псевдомодернизационный вариант «Губернских ведомостей») удивительно похожи на блоги их американских коллег — и транслируют те же самые картины жизни, как говорил Алексей Салмин, «в режиме ошпаренной кошки».

¹⁴ Нойштадт, Мэй 1999: 23–24.

факторы. Скажем, обычным является сценарий, когда документ, разработанный по заказу той или иной организации (ведомства, партии, фракции) некоей малой группой, как правило, смешанного состава (то есть включающей и внутренних функционеров организации, и внешних экспертов), достигает, по мнению членов группы, предела возможного совершенства — после чего направляется на согласование, как принято выражаться, «по малому», а затем и «по большому кругу». В результате документ видоизменяется, иногда до неузнаваемости — в основном потому, что каждый из членов этих кругов настаивает на включении в документ особо дорогих его сердцу сюжетов. Как было сказано о процессе подготовки одной предвыборной платформы: *«И тут пришел депутат N. со своей яйценоскостью и все испортил» (Инт.)*¹⁵.

¹⁵ *«Яйценоскость» тут не произвольная фигура речи — как участник событий свидетельствую: буквально так оно и было.*

Конечно, дело совсем не сводится к профанации уникального интеллектуального продукта недалекими функционерами. Ведь проблема яйценоскости действительно существует; она важна; за этим забавным словом, как и за любым аналогичным, кроются жизнь и благосостояние тысяч и тысяч людей; и депутат N., втаскивая в текст свою излюбленную яйценоскость, на самом деле вел себя в абсолютном соответствии с идеально заданной ролью депутата как транслятора того или иного социального интереса, пусть и ценой разрушения стилистического единства и логической стройности согласовывавшегося с ним документа. Ну и что ему Гекуба? Сходным образом обстоит дело и в случае работы над «генерализирующими» политическими документами иного жанра — например, ежегодными посланиями (президентскими или губернаторскими). Сколько бы ни стремились их авторы организовать текст вокруг нескольких ярких политических идей, необходимость так или иначе обратиться со специализированными месседжами к некоторому почти неизменному кругу аудиторий (промышленники, крестьянство, бюджетники, отдельно — врачи, отдельно — учителя, «силовики», пенсионеры...) останется неотменимой: «Чтобы никто не ушел обиженным». А ведь этот подход соответствует самой сути политики, которая, что ни говори, все-таки ближе к попечению об общем благе, чем к изощрению в риторических формулах. И в чисто техническом аспекте императив *уплотнения смысла* иногда наталкивается на сопротивление — скажем, то же послание никак не может быть короче определенного хронометража, даже если все его содержание в принципе пакуется более компактно. *«Люди приехали издалека, они ждали, готовились к событию, ручки достали. Как это можно — уже через полчаса отправлять их обратно? Это политически недальновидно, это неуважение, так не делают» (Инт.)*. Опять же не поспоришь — да, недальновидно...

И все-таки императив *уплотнения смысла* первичен по отношению к любым контрарным ему импульсам. Он представляет собой жесткий паттерн сознания авторов политических документов, в сознании этом сохраняющийся в целостности даже тогда, когда окончательный результат работы, прошедший все круги согласования (результат, от

которого нередко приходится с ужасом и отвращением отстраняться), с ним уже плохо согласуется. Допустимо предположить, что этот паттерн больше сообщает о той области значений, с которой политический документ интенционально соотносится, чем текстуальные объекты разной степени калечности, возникающие в итоге преобразования первоначальной интенции документа (преобразования, механизмы которого очень хочется назвать словами Станислава Лема — «самоуправляемой прокрустикой»). А если так, то сам сверхценный характер свойственного «политическим писателям» отношения к «политическому письму» позволяет наконец сформулировать ключевой для рассматриваемой темы вопрос: *с кем, собственно, разговаривает автор политического документа?*

Ведь он разговаривает далеко не только (а часто и не столько) с заказчиком, начальником, членами «малых» и «больших» кругов, не только с непосредственными адресатами документа — даже тогда, когда таким адресатом полагается «город и мир» *in toto* (все равно, впрочем, операционально представляемый как некоторая более или менее дифференцированная совокупность реципиентов транслируемого сообщения). Есть основания постулировать существование более значимой референтной инстанции, с которой соотносится политический документ, общей и для его адресантов, и для его адресатов. Инстанции, состоявшийся контакт с которой реализует интенцию документа и делает его собственно политическим, а несостоявшийся — обрекает забвению. Инстанции, смежной с областями предельных значений, тех самых «сути» и «смысла», о которых говорили мои респонденты. Характерна одна из реакций на предложение назвать какой-нибудь эталонно «плохой» политический документ, то есть фактически документ, наиболее не соответствующий своей интенции; в ней важно не то, какой документ был назван (его наименование опускается), а то, в каких выражениях объяснялось, почему он оказался плох: *«Он обесмыслился вчистую... Он стал бессмысленным...»* (Инт.), причем все старания как-то подтолкнуть респондента к расшифровке этого апофатически негативного эпитета ни к чему не привели: *«Да он был бессмысленный, и все. Просто хрень»* (Инт.).

Именно эта референтная инстанция, а не конкретные адресаты политического документа, взятые хоть вместе, хоть порознь, налагает на автора политического документа особую, глубоко переживаемую личную ответственность, знакомую каждому, кто подвизался на этом поприще, и легко обнаруживаемую в интервью. *«Любой эксперт всегда знает, выложил ли он полностью или схалтурил <...> У любого автора документа найдутся примеры, когда он убежден, что не просто сделал все, что мог, но сделал удачно и так, как должно¹⁶, а его не поняли»* (Инт.). Эта ответственность иногда даже перекрывает лояльность заказчику/начальнику и заставляет, например, в процессе «круговых» согласований до последнего момента пытаться спасти хотя бы самые выстраданные пассажи, причем показательно, что эстетика

¹⁶ Sic!

¹⁷ Ср.: «Итак, свершилось! Серп замечаний / Прошелся по яйцам текста. / И там, где ромашки цвели отчаянно, / Теперь унылое место» (цит. по: Колесников 2008: 69). Автор этих строк, внятных любому оказывавшемуся в сходной ситуации, — Анатолий Лукьянов, входивший в круг «реченисцев» ЦК КПСС, впоследствии председатель Верховного Совета СССР, после августа 1991 г. сменивший этот пост на камеру в «Матросской Тишине», а затем надолго обосновавшийся в кресле депутата Государственной Думы. Известен также как поэт Осенев.

слога приносится в жертву скорее, чем его содержательное наполнение («смысл» и «суть»). То, что удастся сохранить вопреки внешнему давлению (в том числе давлению со стороны заказчика/начальника), потом, иногда спустя годы, вспоминается как победа. Поражение же оставляет в душе горькие следы¹⁷.

Между прочим, эталонно «хороший» политический документ также описывается в основном как бы поверх уровня его первичной адресации (он тоже упоминается, но и тут в ряду сугубо прагматических критериев сквозит нечто иное: не только «*обращались вновь, и принимали, и положительно отзывались*» (Инт.), не только «*приняли и похвалили; если речь идет о внешнем авторе, это значит, что расплатились, если речь идет о внутреннем авторе, то какой-то prototipon — повысили, карьеру сделал, премию дали, на худой конец*» (Инт.), но и «*благодаря умно составленному документу его адресат поумнел*» (Инт.), и даже «*совпадение моего внутреннего ощущения от этой работы и внешних отзывов*» (Инт.)). Самая же распространенная, в слегка варьирующихся формулировках, дефиниция — «*документ, сыгравший серьезную роль в жизни режима*» (Инт.), повлиявший не только на участь конкретного актора (в том числе автора), но и на коллективную судьбу политического сообщества, вступивший в резонанс с той самой референтной инстанцией, объединяющей и адресантов, и адресатов документа, однако принципиально неаддитивной (несводимой к сумме свойств составляющих ее элементов). Резонанс может выразиться в преобразовании слагающих эту инстанцию «смысла» и «сути» или просто в созвучии им. Так, двое из числа респондентов имели прямое отношение к подготовке ежегодных посланий президента Ельцина; один из них на вопрос об их эффективности как инструмента политического управления, «*стратегической формулы, призванной хотя бы на год определить направления усилий основных ведомств*» (Инт.), уверенно ответил: «*Да нет, конечно. Начинали проверять, что сделано по предыдущему посланию, и выяснялось, что не сделано почти ни фига*» (Инт.); другой же, не отрицая справедливости такой оценки, тем не менее настаивал на том, что это были именно эталонно «хорошие» документы — поскольку «*никто и никогда не высказывал претензий „это про какую страну?“*» (Инт.), то есть хотя бы не ставил под сомнение адекватность их смыслового наполнения наличной политической реальности. Но само вхождение в резонанс с инстанцией «смысла» и «сути» — условие *sine qua non* состоявшегося политического документа.

Референтность политического документа носит двойной, двухъярусный характер, в чем, впрочем, нет ничего специфически политического — эта двойственность задана не предикативным уточнением «политический», а предметной характеристикой «документ». «Одним из устойчивых маркеров документности является специфическим образом устроенный (и специфическим образом присваиваемый любому артефакту вместе со статусом документа) режим адресации — здесь почти

¹⁸ Каснэ 2010: 8.

непрерывно, хотя чаще имплицитно, присутствует (как правило, помимо другой инстанции адресата — вполне явной и конкретной) некая универсальная адресация „всем и каждому“, которая чрезвычайно легко достраивается до таких метаконструкций, как „история“, „общество“, „культура“¹⁸. Ту метаконструкцию, к которой в конечном счете адресуется политический документ, естественнее всего обозначить как «политическое».

¹⁹ Shils 1988: 251.

Такое обозначение — не просто тавтология, оно эвристически продуктивно. «Политическое» здесь предлагается понимать в соответствии со структурно-функционалистской исследовательской традицией (прежде всего в версиях Эдварда Шилза и Дэвида Истона) — как тот локус социального пространства, в котором вырабатываются и принимаются решения относительно авторитетного распределения предельных или, что то же самое, ценностно насыщенных смыслов (стоит еще раз подчеркнуть: в истоновском определении политики речь изначально шла именно о ценностях [values], его расширительная трактовка — дело более позднее). Это тот центр социального порядка, который «поддерживает и распространяет... верования и представления о вещах, обладающих трансцендентальной значимостью, — то есть „ключевых“ [serious things]. Ключевые вещи — это вещи, мыслимые как фундаментальные, как определяющие человеческую участь, жизнь и смерть»¹⁹.

²⁰ Шмитт 1992: 43.

Интересно, что, например, Карл Шмитт, ничуть не будучи структурным функционализмом, также объяснял политическое через предельные категории «жизни» и «смерти», «реальную возможность физического убийства»²⁰, и именно «благодаря этой власти над физической жизнью людей политическое сообщество возвышается над всякого иного рода сообществом или обществом»²¹.

²¹ Там же: 51

Политическое, конечно, не сводится к «реальной возможности физического убийства»; однако само присутствие в центре политического этой возможности, к тому же монополизируемой современным государством (часто забывается, что Макс Вебер вовсе не придавал своему тезису о «монополии легитимного физического насилия» вневременного, эссенциалистского смысла: «...В наше время отношение государства к насилию особенно интимно <...> для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие»²²), сама неустранимость ее присутствия свидетельствуют, что политическое представляет собой именно область работы с предельными значениями, из которых «жизнь» и «смерть» — только самые энергично насыщенные.

²² Вебер 1990: 645.

Политические вещи, о которых говорят политические документы, — это по-настоящему serious things. Поэтому они притягивают и завораживают. «„Центр“ — это объект внимания значительного числа членов общества. Быть „центром“ означает определять должные объекты ориентаций, путем прямого приказа, рекомендации или подачи живого примера [embodiment]. Быть „центром“ означает обладать знанием, которое рассматривается другими как желанное, поразительное или

²³ Shils 1988: 251.

опасное для его обладателя. Быть „центром“ означает выступать объектом не только повиновения, но и подражания»²³. А создавать политические документы и означает желать быть таким центром (варианты — в самом центре, рядом с центром, суфлировать центру, манипулировать центром и т.д.).

²⁴ Shils 1975: 266.

²⁵ Geertz 1977: 151.

Но центр еще и сакрален (в социологическом смысле термина) — как место производства «институционализированной харизмы»²⁴, «знаков причастности к сути вещей»²⁵ (выделено мной. — С.К.). «Каждое общество имеет „официальную“ религию, даже тогда, когда это общество им самим или его представителями и интерпретаторами трактуется — более или менее корректно — как секулярное, плюралистическое и толерантное»²⁶.

²⁶ Ibid.: 3.

«Высшие общественные начальства — президенты, короли, первые министры, партийные секретари, губернаторы, судьи, законодатели — суть правители наиболее полного, наиболее инклюзивного порядка существования на этой земле. Высокая земная власть состоит в многоликом, смутном сродстве с силами, воспринимаемыми как трансцендентные. Кто верит в божественные, трансцендентные порядки бытия, верит и в то, что земные власти, чтобы быть легитимными, должны находиться в некоторой связи с трансцендентными силами, что правители необходимым образом прикосновенны к сути вещей. Сами правители также притязают на то, что их власть и исходящие от них предписания восходят к чему-то и легитимируются чем-то большим, чем они сами»²⁷. И эта сакральность политического (еще раз — в строго социологическом смысле) хорошо ощутима и в политических документах. Их функционирование вполне может быть уподоблено функционированию «священных текстов» — конечно, весьма разной степени «священности», в диапазоне от фундаментальной (Конституция) до сугубо частной и прикладной, однако в совокупности составляющих текстуальное измерение определенной политической и id est сакральной традиции.

²⁷ Shils 1975: 264—265.

²⁸ Колесников 2008: 7.

²⁹ Об этой истории см. http://www.compromat.ru/page_10670.htm; сам апокриф был напечатан в «Общей газете» от 18—24 марта 1994 г.

Тогда проясняются многие аспекты «политической документности». Отсюда находящая столь многих ценителей эзотерика политических документов, доступ к которой (иногда иллюзорный, иногда действительный) обеспечивают такие специализированные ресурсы, как compromat.ru, WikiLeaks.org, уже подзабытые проект «Коготь» и ЖЖ-юзер solomin и им подобные; эзотерика, в описаниях которой нередко и не случайно используются вполне прозрачные лексемы: «Авторские права на *волшебные миры идей*» (выделено мной. — С.К.) принадлежат сочинителям тронных речей, докладов, программ, установочных статей, книг вождей»²⁸. Отсюда подвизающиеся на этой ниве лжепророки и сочиняемые ими апокрифы (вроде настойчиво связываемой с именем Глеба Павловского «Версии № 1»²⁹, несомненно связанной с именем Александра Коржакова записки о «Кредо и Кодексе российского президентства»³⁰ или так и не идентифицированной «Редакции № 6»³¹). Отсюда характерный способ сброса невыносимого напряжения, возникающего в ситуации контакта с serious things, через

³⁰ «Некоторые подходы к кругу проблем, которые сегодня должны непременно находиться в поле зрения» (орфография оригинала) (Эпоха 2001: 214–216).

³¹ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1385567>.

нарочитое профанирование сакрального языка: «В декабре 1994 г. мы писали доклад Ельцину о последствиях готовившегося ввода войск в Чечню. Это был очень хороший документ — в нем в деталях и подробностях рассказывалось, что и как будет происходить, если решение будет принято. Буквально так оно все и произошло. И вот работа (несколько суток кряду) закончена, документ отправлен. И тогда, чтобы как-то расслабиться, мы садимся и пишем еще одну версию того же самого документа — чистейшим матом. То есть в ней не было ни одного нематерного слова, кроме служебных частей речи, имен, топонимов и числительных. Ельцину, правда, ее не показали. Главе администрации показали» (Инт.). Отсюда напряженное до маниакальности внимание к выбору слов, явно воспринимаемых в полном соответствии с известным «правилом имен» Урсулы Ле Гуин («Назвать имя — значит обрести над этой вещью власть»): «Меня предупреждают, что слова „режим Путина“ в названии семинара очень не понравились *наверху*. Еще через какое-то время доброжелатели сообщают: *наверху* вообще сложилось мнение, что „вы не с нашим режимом“. Надо же, сами *наверху* любят этот режим, а другим не дают»³². В 2001 г. Салмин со смехом рассказал мне эту историю; в 2006 г. я стал ее публикатором; в 2010 г. мне довелось по поводу очередного заседания *того же семинара* услышать восхитительную нотацию, обращенную уже непосредственно ко мне: «У нас в стране режима нет! Это у Пиночета был режим. А у нас... (пауза, задумчивость)... строй!» Еще пример из личного опыта: «В нашем регионе в политических документах больше не употребляют слово „скот“. У нас пишут „животные“. Еще пример, услышанный от одного из коллег и как-то неприятно рифмующийся с предыдущим: «Во всех политических документах, которые я пишу, я как можно чаще использую слово „граждане“. Заказчики его аккуратно вычеркивают и заменяют — угадайте, чем? „Наши люди“».

Так произносят не обычные речи; так произносят заклинания, малейшая ошибка в которых, как известно, способна полностью извратить последствия совершаемого ритуала, нередко весьма опасным для заклинателя образом. И это многозначительное слово тоже произносится в контексте размышлений о природе политических документов: «Порой они старались вложить в уста своих шефов *заклинание* (выделено, между прочим, уже не мной. — С.К.), вызвать к жизни еще не предрешенные события — и иногда чрезвычайно успешно»³³. Да, власть номинации, способность «называть и вызывать к существованию при помощи номинации»³⁴ — не только, по словам Пьера Бурдьё, «одна из простейших форм политической власти»³⁵, но ее важнейшее, вместе с «реальной возможностью физического убийства», выражение, причем даже и в этой исследовательской традиции описываемое через отсылку к сакральному: «Политик — это тот, кто говорит: „Бог с нами“»³⁶. И разве не сработали в свое время такие, например, заклинания, введенные в оборот именно политическими документами, как «поэтапная конституционная реформа»³⁷ или «контртеррористическая операция»?

³² Салмин 2006: 180.

³³ Привалов 2007.

³⁴ Бурдьё 1993а: 67.

³⁵ Там же.

³⁶ Бурдьё 1993б: 164.

³⁷ Говорят, в 1993 г. с западными коллегами так и приходилось объясняться: «— А что это у вас в стране происходит? — Поэтапная конституционная реформа! — А почему танки в городе стреляют? — Этап такой!»

И все-таки — *кого* заклиняют при помощи политических документов? Наверное, в рамках этой статьи нельзя ответить на этот кардинальный вопрос иначе, чем прикрывшись туманной формулировкой Бурдые о «духе государства», о том, что «построение государства сопровождается созданием своего рода общего исторического трансцендентального»³⁸ — какого именно рода это трансцендентальное и как оно ухитряется быть одновременно трансцендентальным и историческим, скорее всего, неспроста так и не было объяснено ни самим Бурдые, ни его последователями (скажем, Юрий Качанов в интригующем образе названной главе «Рождение поля политики из духа государства» своей «Политической топологии»³⁹ смог не употребить оборот «дух государства» *ни разу*, для чего, надо полагать, понадобилась немалая изощренность мысли и языка). Политический документ, по крайней мере интенционально, взывает к самому «духу государства», а вовсе не к президенту, губернатору, депутатам, партии или народу; напротив, его интенция состоит в том, чтобы использовать президентов, губернаторов, депутатов, партии или народы как посредников в разговоре с этим духом и тем самым склонить их к тому или иному способу служения ему. В успешной эвокации «духа государства» авторы политических документов видят свою *золотую удачу*, даже более ценную, чем те земные дары (иногда щедрые, иногда совсем скромные), которыми вознаграждается их труд: «Компенсация — в другом. В причастности к формированию государством политики, идеологии, средств манипуляции массовым общественным сознанием. Или, еще короче, в причастности к государству»⁴⁰. В том, что «из-под твоего пера творится целый мир»⁴¹. «Главная задача автора любого политического документа — это чтобы его прочли должным образом» (Инт.), — так выразился тот же цитированный выше респондент, который ввел в описание своей работы категорию долженствования и снова обратился к ней, отвечая на вопрос, зачем и для кого политические документы пишутся.

³⁸ Бурдые 1999: 154.

³⁹ Качанов 1995: 59—82.

⁴⁰ Колесников 2008: 10.

⁴¹ Там же: 309.

Итак, политический документ представляет собой магическое действие, *инкантаментум*, предназначенный не просто донести тот или иной месседж до его непосредственных адресатов, но изменить самоё действительность, в которой и адресант, и адресаты находятся и над которой (которыми) властвует генеральная референтная инстанция — безымянный «дух государства». Вопросов остается два, и они значимы не только для тех, кто пишет политические документы, но и для всех тех, кто оказывается в поле вызываемых ими содроганий политической реальности. Один — шекспировский, в пастернаковском переводе «Генриха IV» звучащий так: «— Я духов вызывать из тьмы умею. — И я, как, впрочем, всякий человек. Все дело в том лишь, явятся ли духи». Другим побуждает задаться тривиальное, но от того только более важное, слишком часто забываемое наблюдение Клайва С. Льюиса: «Духи, знаете ли, бывают разные». Кто — в каждом конкретном случае — выступает под личиной «духа государства»? В соответствии с «правилом имен», не зная его подлинного имени, ты не овладеваешь

им, а сам отдаешься ему во власть. Можно только позавидовать убежденности в знании имени этого духа, как-то выраженной спичрайтером Джорджа Буша-младшего Майклом Герсоном: «В большинстве случаев и в большинстве обстоятельств ты пишешь для завтрашних газетных заголовков. Изредка ты пишешь для американской истории, и это огромная честь. А может случиться так, единожды или дважды, что ты будешь писать для ангелов»⁴². Но ангелы могут оказаться и демонами; области предельных значений населены и теми, и другими. Это хорошо понимал Вебер, которого обнаружение в политике инстанции *смысла* и *сути* прямо вывело на неразрешимую рациональными средствами проблему категориальной неодинаковости правящих ею сил: «Принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — *ira et studium* — суть стихия политика»⁴³; «страсть — в смысле ориентации на существо дела (*Sachlichkeit*): страстной самоотдачи „делу“, тому богу или демону, который этим делом повелевает»⁴⁴. Пожалуй, главное, зачем нужно внимательно читать политические документы — затем, чтобы учиться различению духов, которых они закликают.

⁴² <http://www.usatoday.com/life/2001-04-11-bush-speechwriter.htm>. Между прочим, Герсон, пламенно верующий протестант евангелического толка, заведомо не мог употребить слово «ангелы» всуе — только буквально.

⁴³ Вебер 1990: 666.

⁴⁴ Там же: 690.

Библиография

- Бурдьё П. 1993а. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. *Социология политики*. — М.
- Бурдьё П. 1993б. Общественное мнение не существует // Бурдьё П. *Социология политики*. — М.
- Бурдьё П. 1999. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Шматко Н.А. (ред.) *Поэтика и политика*. — М., СПб.
- Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М.
- Каспэ И.М. 2010. *Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х*. Препринт WP6/2010/02. — М.
- Качанов Ю.Л. 1995. *Политическая топология: структурирование политической действительности*. — М.
- Кваша М. 2007. «Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин» (Интервью с Олегом Шварцманом) // *Коммерсантъ*. 30.11 (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840>).
- Колесников А. 2008. *Спичрайтеры: Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир*. — М.
- Нойштадт Р. 1997. *Президентская власть и нынешние президенты*. — М.
- Нойштадт Р., Мэй Э. 1999. *Современные размышления: О пользе истории для тех, кто принимает решения*. — М.
- Привалов А. 2007. Творцы языка вождей // *Эксперт*. № 46 (http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/46/book_tvorcy_yazyka_vozhdey).
- Салмин А.М. 2006. *Шанский слон*. — М.
- Салмин А.М. 2010. Российская Федерация и федерация в России // Салмин А.М. *Избранные статьи*. — М.

Черкесов В. 2007. Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев // *Коммерсантъ*. 09.10 (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840>).

Шейко А. 2010. Удар в башню // *Газета.Ру*. 30.07 (http://gazeta.ru/politics/2010/07/30_a_3403069.shtml).

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. Т. 1. № 1.

Эпоха Ельцина. 2001. — М.

Easton D. 1965. *A Systems Analysis of Political Life*. — N.Y., L.

Geertz C. 1977. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Ben-David J., Clarke T.N. (eds.) *Culture and its Creators: Essays in Honor of Edward Shils*. — Chicago.

Levy D.M. 2003. *Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age*. — N.Y.

Shils E. 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. — Chicago.

Shils E. 1988. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935—1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.